

Скажу сразу, подобного материала в книгах Твардовских чтений еще не бывало (а это уже 13-й сборник – счастливый!). Скорей всего, его не бывало вообще: не припомню случая, чтобы вот так вдруг являлось миру неизвестное творение автора «Катюши». Почти через полвека после смерти и akurat к 120-летию Михаила Васильевича, которое отметим в январе. Но давайте по порядку.

При подготовке очередного сборника Чтений оживает наша переписка по электронной почте с дочерью Александра Твардовского Валентиной Александровной (она, ко всему прочему, член редколлегии). В сентябре получил от нее письмо: «11.09.19 ... Хотели послать Вам верстку Машины статьи: (она с фото), но посылаем текст, т. к. верстка задерживается. Статья предназначена для сборника, издаваемого внуковской администрацией с соблюдением требований редакции: справка о первых владельцах дачи (мы сняли справку об А.Т. <Александре Твардовском> в посылаемом для Вас тексте), справка об авторе (оставили для Вашего сведения), эпиграф – оставили. Сборник иллюстрирован, и хотелось, чтобы текст Вы читали вместе с фото, это совсем другое восприятие. Но решили больше не задерживать его для Вас, тем более, что со стихами обещанными – облом: они оказались опубликованы 20 лет спустя даты написания. Я их искала в смоленской печати 30-х гг.<то есть не нашла там. – П.П.> Есть несколько непечатавшихся стихотворений «проходных», «средних», как сам А.Т.их определил. М.б. пришлю Вам на выбор. Сейчас посылаю стихи М.В.Исаковского – как приложение к Машиному очерку».

Понятно, что ничего не понятно. Речь об очерке «Внуково в жизни Твардовского» (во Внукове была дача А.Т.). «Облом» – это о неизданных (из архива поэта) стихах Твардовского – очень хотелось мне их для сборника. Что касается «Маши», то обратимся к упомянутой в письме справке об авторе:

«Мария Андреевна Твардовская, правнучка поэта А. Т. Твардовского, внучка Валентины Александровны, его дочери. Окончила филологический факультет МГУ, владеет английским, французским, итальянским и нидерландским языками. Независимый консультант в области международного образования. Автор статей об обучении дизайну и книги проектов промышленных дизайнеров России, Украины и Беларуси на английском языке RUB DESIGN BOOK (в соавторстве с А. Крыловой, Милан, 2014)».

Правду сказать, по прочтении этих строк, не то чтобы очень, но был я разочарован. Уж больно хотелось «неведомого Твардовского». Но потом... Прочел очерк, увидел «стихи М.В. Исаковского» – и стал, пользуясь образным стилем Солженицына, как «переослепленный светом фар», грубо говоря, офонарел.

Много всякого было при советской власти: и хорошего и плохого – это не новость. Но был такой, я бы сказал, приличных размеров заказник для нашего брата журналиста. К примеру, «личная жизнь». Она непременно должна была сидеть под каблуком у жизни общественной и не высовываться...

Так вот, Валентина Александровна и «Маша» не просто приоткрыли нам калитку, но и впустили за внуковский забор, показали, что где было и как стало, пригласили в дом, усадили за стол, уставленный соленьями-вареньями да печеньями, которыми Мария Илларионовна, жена поэта, была особенно знаменита не только в дачном кругу. Я специально оставил за правнучкой Твардовского это домашнее «Маша» (у меня дочь – ровесница автора очерка, и несмотря на свои сорок один остается для нас с женой... да, Машей). Итак, просто, по-домашнему Маша Твардовская усаживает нас за стол и за чаем с вареньем рассказывает (с помощью бабушки, конечно, ведь речь о временах, когда ее еще на свете не было).

В 1946 году Исаковскому выделили во Внукове под дачу гектар земли. Возможно, это был еще тот, советский немереный гектар, поскольку, кроме кустарников, был на нем и лес, и пруд. Во всяком случае, Михаилу Васильевичу на двоих с женой этого показалось... много (именно!), и он предложил земляку и другу Твардовскому, отказавшемуся от участка(!) в Переделкине, половину площади(!). Наставил здесь восклицательных знаков, дабы задумались мы, что за люди они такие были, наши поэты-классики. И не они одни! Какая уж тут гоголевская кровная мстя за гуся-порося?!

Словом, при этом воистину полюбовном разделе лес отошел Исаковскому. «Александру Трифоновичу, – рассказывает Мария Андреевна, – достался склон к пруду, заросший орешником. Этот заброшенный пустырь за несколько лет он превратил в прекрасный смешанный лес. Много сил и времени ушло у прадеда на то, чтобы расчистить место для сада, огорода, для посадки любимых деревьев на этом глинистом спуске к пруду. Он сам корчевал пни и кустарники, сжигал их и золой щедро удобрял каменистую, глинистую почву. Любимейшей работой Александра Трифоновича на участке была косьба. Он обожал запах свежего сена. Косил прадед умело («гривенничек был виден»), у него не оставалось на участке заросших уголков. Александр Трифонович приносил из соседнего леса рябинки, елочки, черемуху, на участке росли дубки и единственная липа. Прадед рассчитал строительство основного дома так, чтобы липа оказалась перед окном его кабинета. Ей тогда было, по определению прадеда, сорок лет. Сейчас это липа вековая, как в песне».

Мне понадобилось некоторое усилие, чтобы прервать этот неспешный увлекательный рассказ. В нем и о превратностях строительства, и о непростом быте в пору отсутствия водопровода, канализации, телефона, телевизора (что уж и вовсе невозможно представить). И о контактах с Ботаническим садом, и про любимые цветы хозяина и его жены, про сад и огород, про верных собак и про гостей, желанных и не очень, но, конечно же, известных нам по учебникам литературы. И про то, как Александру Трифоновичу здесь хорошо работалось. Это, кстати, нетрудно представить, если знать «хронологию внуковского периода» – 1947–1962 годы. Дальше – строительство и обустройство Твардовских в Пахре, а внуковская дача отошла семейству старшей дочери. Так и по сию пору вступают в свою очередь на эту землю внуки, правнуки, праправнуки великого поэта. Но неизменным остается кабинет Александра Трифоновича, обстановка, книги...

Нет, оставим этот сухой, бессистемный и, по сути, бесплодный перечень имеющегося в очерке. Сколько ни говори «халва», во рту слаще не станет. В заголовке обещано другое, и оно воспоследует.

Из очерка мы узнаем, что «между участками Исаковского и Твардовского был низкий полуметровый штакетник, они ходили друг к другу через внутреннюю калитку». Что в самом начале они купили в Литфонде стандартные финские домики, в которых обитали семьи во время строительства основных домов. Поэты-земляки жили мирно и дружно, никакие «пограничные» межсоседские конфликты не омрачали их существование. На все семейные и прочие праздники они ходили друг к другу в гости. На пятидесятилетие А.Т., которое отмечалось во Внукове, чета Исаковских традиционно была приглашена в первую очередь. Впрочем, характер отношений двух поэтов, составляющих гордость земли смоленской, лучше всего можно почувствовать как раз из стихотворения Михаила Васильевича, которое Валентина Александровна прислала как «приложение к Машиному очерку». И без того «дачный очерк» был «гвоздем» одного из четырех разделов 13-й книжки, а тут он и вовсе стал «золотым гвоздем». Оставляю все, как было получено:

М. ИСАКОВСКИЙ – А. ТВАРДОВСКОМУ¹
/В день именин/

Эта летняя ночь не дает мне покоя,
Я лежал на постели раздумьем томим,
До утра я придумывал – что бы такое
Подарить мне тебе в день твоих именин?

И ужасно меня это все огорчило,
Что не мог я придумать совсем ничего...
Я тебе, например, подарил бы точило,
Но припомнил, что ты ведь имеешь его.

Подарил бы олифы, – все это возможно;
Дескать, вот тебе, Саша, подарок, изволь...
Но уж очень олифа теперь ненадежна, –
Дашь олифу, а выйдет, конечно, оксоль.

Перебрал я немало различных предметов –
Шпалы, битум, напильник, да все не с руки...
Не придумал, как видишь, подарка поэту,
А придумал лишь эти плохие стихи.

Внуково, 20 июня 1948 г.

Какой, однако, мягкий, узнаваемый, чисто «михвасовский» по самоиронии, еще тот, «рабочепутейский», юмор. И каким теплом повеяло от этих строчек – прямо родственным. Плюс – доверие, будто автор с адресатом понимают, угадывают друг друга... каким-то шестым и седьмым чувством. Простые слова, полно прозаизмов (какие-то там точила, олифа, неведомая мне оксоль, шпалы, битум) – и невесть откуда берется ощущение не просто авторской симпатии, а искренней любви, которая не терпит славословий, здравиц. Настоящее чувство беззащитно, ранимо, оно не может себя продемонстрировать

¹ Прим М.И. Твардовской: «Стихи относятся к «строительному периоду» – постройке обоими дач во Внуково».

публично. Оно редкость. Но зато как дорого, как трогает своей глубиной и чистотой. Вот эти «непрямые» слова, я бы сказал, оборотные, волшебные – это суть, это исключительная область поэтического дара Исаковского. Кто-то, кокетничая, расписывает из какого, мол, сора, а то и вовсе руды, приходится чудеса творить, а Исаковский про олифу да битум – «про хомуты», как он говаривал.

Первое, о чем подумалось, что стихов этих доселе я не встречал. Печатались ли они вообще? Поинтересовался об этом у Валентины Александровны. Ответ привожу дословно: «17.09.19 ... Стихи Исаковского мог опубликовать только сам Мих.Вас. Но мы с Машей нигде не нашли их в печати. Хотя и мне они знакомы <я упомянул всего лишь о знакомых интонациях. – П.П.>, но, м.б., по экземпляру, подписанному М.В. Они так и хранились среди посвященных А.Т. стихов, собираемых М.И <Марией Илларионовной>. На всякий случай их можно публиковать без соответствующего комментария: ведь их фактически, никто не знает».

Отдаю должное научной добросовестности и щепетильности старшей дочери Александра Трифоновича (она доктор исторических наук). Действительно, столько лет прошло – может, где-то промелькнули эти стихи и канули, не оставив широких кругов. А я-таки возьму на себя смелость назвать стихотворение неизвестным, ибо так оно и есть на самом деле.

Вполне можно было бы закончить нашу «дачную историю» про Михаила Васильевича и Александра Трифоновича на этой оптимистичной ноте, если бы не еще одно письмо от Валентины Александровны: «05.11.19... Ваше письмо пришло, когда я уезжала с дачи в Москву, а приехав сразу закрутилась с накопившимися делами. Уезжала в тяжелом настроении. Наследница Мих. Вас. Исаковского – Таня Осина, живущая ныне в Ницце, продала большой кусок участка (оставшееся тоже продается). Новый владелец начал с того, что вырубил лес, расчищая площадку для строительства. Я не слезлива, но вот с утра в Москве расплакалась, как та некрасовская девочка Саша, о которой я читала детям. «Сколько тут было кудрявых берез. Там, из-за старой нахмуренной ели, красные гроздья калины глядели» <строчки из поэмы Некрасова. – П.П.>... Мих.Вас. гулял только на своем участке. Вспомнились и его строки, обращенные к этому лесу последней осенью, перед тем как слез: “И только «до свидания» уже не говорю...”»

Даже не буду это комментировать. Пытаюсь избыть неприятный осадок, открываю опять очерк Марины Андреевны Твардовской. Собственно, его концовку.

«В 2003 году уже моя семья заселилась на постоянное проживание в финский домик. У нас родилось двое детей, для которых мы пристроили еще одну комнату. Все детство праправнуков Твардовского прошло на даче, где в первые годы, гуляя с коляской до дач Литфонда, я читала им стихи Маршака и Чуковского, даже не осознавая, что оба писателя бывали здесь у прадеда... Дача и сейчас остается для нашей семьи из четырех поколений местом семейных и дружеских встреч, местом рождения детей, новых идей и воспоминаний, задорного смеха играющих детей и заразительного смеха бабушки, а также ежегодных садовых работ. Ведь природа имеет свойство возрождаться каждый год, и каждый год надо вновь убирать листву и сухостой, сажать новые цветы и деревья, косить траву и ухаживать за посадками. Хочется верить, что этот жизненный цикл нашей дачи и семьи будет повторяться вновь и вновь, впитывая высокую энергетику этих дорогих сердцу мест».

Полностью очерк М. Твардовской, равно как и другие самобытные материалы (большей частью эксклюзивные), можно прочитать в нашей 13-й книге, озаглавленной, как водится, строчкой из Твардовского «Я иду и радуюсь. Легко мне».